

УДК 811.161.1'42

А. В. Розсоха

ИРОНИЯ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СПОСОБЫ ТЕКСТОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Ирония является одним из наиболее часто используемых в речи средств оценки и выражения говорящим своего отношения к тем или иным реалиям. К иронии прибегают в художественной литературе, в публицистике, она используется в повседневном общении, в политическом дискурсе и в рекламных текстах. В европейской литературе иронию в разных её формах можно встретить в произведениях едва ли не любой эпохи: от античной комедии до книг Дж. Свифта. Полны иронии рассказы русских писателей Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, А. Т. Аверченко, Н. А. Тэффи и других.

Ирония — приём разнообразный в своём проявлении и настолько индивидуальный для каждого автора, что широко используются такие понятия как «сократова ирония», «романтическая ирония» Шлегеля, ирония Зольгера, «эпическая ирония» Томаса Манна и др., которые классифицируют иронию не по стилистическим средствам её создания, а по осмыслению автором самого понятия иронии и манере её использования в тексте.

Исследования феномена иронии представлены в работах таких лингвистов, филологов и литературоведов, как Н.Я. Берковский [1], Э.С. Афанасьев [2], Ю.Н. Мухина [3], С.Ф. Плясунова [4] и др. В книгах Марики Мюллер [5] и Эдгара Лаппа [6] рассматриваются проблемы иронии как лингвистического феномена, описывается генезис самого понятия, даётся классификация видов иронии, средств её создания, называются различные возможности её реализации в речи. Ирония в современных дискурсивных практиках принимает всё новые формы и выполняет различные функции, что делает исследования в области данного феномена крайне актуальными.

Цели данной статьи — сделать краткий обзор наиболее известных трактовок понятия, а также рассмотреть некоторые способы создания иронии с учётом целей её использования.

Ирония зарождается в древнегреческой философии и литературе. Марика Мюллер в одной из своих книг говорит об античном происхождении данного феномена: «In der europäischen Antike liegen — soweit uns die Quellenlage zu erkennen gestattet — die Wurzeln der ironischen Ausdrucksweise. Lange bevor uns bei Aristophanes der Ausdruck der Ironie unter Bezug auf Sokrates begegnet, können wir in homerischen Texten Ausdrucksweisen notieren, die nicht „wörtlich“ verstanden werden dürfen»¹ [5, с. 5]. Ирония происходит от древнегреческого слова

«Eironeia», которое в буквальном смысле означает «притворство», «отговорка». Данный термин стал использоваться древними философами начиная с V в. до н. э. для обозначения риторического приёма «обмана» собеседника, когда человек называл вещи противоположными именами, т. е. говорил то, чего не думает на самом деле. Очень быстро такая «насмешка» перевоплощается в образ мышления, стремление установить истину путём опровержения ложного.

«Сократова ирония» строилась таким образом, что человек, отвечая на реплики «не знающего истины» собеседника, самостоятельно приходил к абсурдным выводам, которые делали очевидной ложность его первоначального суждения. Таким образом, ирония Сократа служит поиску истины. Позднее подобная ирония встречается в произведениях Джонатана Свифта, в «Похвале глупости» Эразма Роттердамского и др. Романтическая ирония Фридриха Шлегеля также во многом опирается на античную иронию Сократа.

По определению же Аристотеля, ирония — это высказывание, содержащее насмешку над тем, кто так действительно думает. В «Никомаховой этике» Аристотель сравнивает иронию с хвастовством, истолковывая хвастовство как притворство в сторону преувеличения, а иронию — в сторону преуменьшения. «Ирониками» Аристотель называл тех людей, которые намеренно говорят о себе неправду, выставляя реальность в невыгодном для них свете. Таким образом, для Аристотеля ирония — это крайность, которая находится также далеко от истины, как и хвастовство.

Позднее ирония получает широкое распространение в риторике. Ораторы активно используют данный приём для усиления эффекта, производимого на слушателя. Так об этом пишет Мартин Хартунг: «Wegen ihrer starken emotionalen Wirkungen wird der Einsatz der Ironie vor allem für den Schlußteil der Rede empfohlen (*peroratio*), um bei den Zuhörern unmittelbar vor ihrer Entscheidung für oder gegen eine Position eine günstige Stimmung zu erzeugen (*affectus*). Diese Plazierung beruht aber zugleich auf einem anderen Merkmal von Ironie, denn ihre Struktur ermöglicht es dem Redner, in einer Zusammenfassung seines Standpunktes (*enumeratio*) auch noch einmal die gegnerische Position zu zitieren und pointiert zu bewerten (*simulatio*). Dabei braucht dieses Zitat in keiner Weise markiert zu werden, denn nachdem der Fall ausführlich von beiden Seiten erörtert wurde, ist es für die Zuhörer klar, wessen Standpunkt dieses Zitat ausdrückt und was der Redner mit diesem Zitat erreichen will — schon unter Absehung von der inhaltlichen Argumentation nur unter Berücksichtigung der institutionellen Situation»² [6, с. 27—28]. Разумеется, что цель такого цитирования становится намного яснее, а ирония действует на слушателя с ещё большим эффектом, если говорящий не просто перефразирует мнение оппонента, а объединяет слова последнего с собственным высказыванием таким образом, что цитата полностью меняет свой смысл

в новом контексте. Подобный приём требовал от оратора высокого уровня красноречия, находчивости и серьёзной подготовки к дебатам, но обладал сильным эффектом воздействия на аудиторию. Поэтому ироническая манера выражаться, в отличие от иронического поведения, всегда высоко ценилась в античной риторике. Свою значимость в языке и литературе ирония не утрачивает на протяжении многих веков формирования европейской культуры вплоть до наших дней.

Романтическая ирония наиболее ярко представлена в произведениях братьев Августа Вильгельма и Фридриха Шлегеля, Людвиг Тика, Карла Вильгельма Фердинанда Зольгера и Новалиса. Работы, связанные с иронией, печатались в журнале «*Athenäum*», в котором с 1798 по 1800 гг. были опубликованы критические статьи, обзоры и тексты, соединяющие в себе различные жанры философии и литературы. В них ирония рассматривается как состояние человека. Клер Коулбрук следующим образом описывает роль иронии в немецком романтическом движении: «As the name *Athenaeum* indicates, the German Romantic movement valorised the ancient past, but like the English Romantics they were also entranced by Shakespeare, medievalism and certain key moderns, such as the French encyclopaedist Denis Diderot (1713 — 84) and the German proto-Romanticist J.W. Goethe (1749 — 1832). What they were against, predominantly, was the reason and the enlightenment restriction of reason to a universal human norm. At the same time, they were aware of the paradoxes of a critique of reason. In order to argue against or challenge reason one needed to speak, but such speech would seem to demand understanding and would therefore rely on the very norms of reason it set out to delimit. The only possible response to this predicament would be irony: a speech which at once made a claim to be heard, but which also signalled or gestured to its own limits and incomprehension»³ [7, с. 47].

Особое развитие ирония получает в конце XIX века. Данный приём, основанный на противопоставлении смысла высказывания и его значения, становится инструментом формирования литературного стиля. В XX веке феномен иронии вызывает всё больший интерес у лингвистов, психологов, логиков, философов. Так, Е. Ю. Третьякова пишет о роли изучения иронии в XX веке: «С появлением семиотики было подробно изучено, как «кодируется» и «расшифровывается» иронизирование в тексте. В русле этой научной проблематики особенно интересны работы Ю. М. Лотмана и его школы. Теория коммуникации установила диалогическую природу иронии и проанализировала отношения между автором, адресатом и предметом иронического высказывания. Исходной позицией большинства современных исследований является постулат о том, что в самой сути иронического общения заложена необходимость активного интеллектуального контакта его участников. Итоги более чем полувековой полемики привели к убеждению, что для объяснения сути иронии важнее всего обратить внимание на ее знаковую природу и

парадоксальность. Данные лингвистики, логики и семиотики свидетельствуют, что значение иронической образности неустойчиво и в каждом конкретном случае индивидуально. Неизменна лишь функция иронии — соединять несоединимое, делать образ перекрестьем двух и более знаковых систем» [8].

Говоря о средствах создания иронии, следует, прежде всего, упомянуть их многообразие. Ирония может создаваться едва ли не всеми известными языковыми средствами, а часто то или иное высказывание становится ироническим лишь благодаря правильно выбранному контексту. Интересными в этом отношении являются выводы в исследовательской работе Мартина Харпунга: «Auffällig war sofort, wie unterschiedlich der Skopus der als ironisch rezipierten Passagen ist: er reicht von einzelnen Wörtern über einzelne Äußerungen bis hin zu ganzen Gesprächsphasen. Auch die Formen der Äußerungen sind sehr heterogen, ironisch verwendet unter anderem Kommentare, Zitate, Hörersignale, Wiederholungen und Reformulierungen, Ergänzungen und Vollendungen zu gelieferten Beiträgen, und der Ausdruck von Emotionen. Diese Vielfalt bestätigt zunächst die schon mehrfach geäußerte Vermutung, daß grundsätzlich jede Äußerung in einem entsprechenden Kontext ironisch verwendet werden kann»⁴ [9, с. 69].

Одним из наиболее известных средств создания иронии в художественном тексте является антифразис — употребление слова или словосочетания в противоположном смысле. Антифразис часто строится на контрасте значения определённого слова или выражения со смыслом всего высказывания. В качестве примера можно привести строки из стихотворения А. С. Пушкина «Кокетке»:

Мы знаем: вечная любовь

Живёт едва ли три недели [10, с. 82].

Нередко для придания ситуации иронии автор использует слова и выражения, стилистическая окраска которых явно не соответствует описываемому. Например, в рассказе М. Зощенко «Ночное происшествие» выражение «аудиенция закончена», употреблённое в отношении к сторожу, подчёркивает комизм ситуации: «Тут сторож допил свою воду, вытер рот рукавом и закрыл глаза, желая этим показать, что аудиенция закончена» [11].

Средствами создания иронии могут служить омонимия и многозначность слов, а также паронимия. Например, в афоризмах: «Овладел наукой, но не оплодотворил её» [12], «На всякого заведующего есть свой завидующий» [13].

В литературных произведениях часто наблюдается переосмысление стереотипных сочетаний, что тоже является одним из средств создания иронии. Вспомним «12 стульев» Ильфа и Петрова: «А! Пролетарий умственного труда! Работник метлы! — воскликнул Остап,

завидя согнутого в колесо дворника» [14, с. 36]. Кроме того, ирония может строиться на грубом преувеличении или явном противоречии.

Особый вид иронии — иронические сравнения, которые не усиливают какое-либо качество, а скорее указывают на его противоположность. Этот вид иронии широко использовался уже в XIX веке. Примером может послужить эпиграмма Н. Некрасова на Ф. Булгарина:

*Он у нас осьмое чудо —
У него завидный нрав.
Неподкупен — как Иуда,
Храбр и честен — как Фальстаф.
С бескорыстностью жидовской,
Как хавронья мил и чист,
Даровит — как Тредьяковской,
Столько ж важен и речист.
Не страшитесь с ним союза,
Не разладитесь никак:
Он с французом — за француза,
С поляком — он сам поляк,
Он с татаринцом — татарин,
Он с евреем — сам еврей,
Он с лакеем — важный барин,
С важным барином — лакей.
Кто же он? (Фаддей Булгарин,
Знаменитый наш Фаддей) [15].*

Здесь сравнения «Неподкупен — как Иуда», «Храбр и честен — как Фальстаф» и др. указывают на совершенно противоположные свойства описываемого объекта.

В литературных текстах можно найти примеры иронии, возникающей лишь на повторении слов собеседника. Например, в рассказах Н. А. Тэффи:

*... она вдруг говорит, вздрагивая всеми перьями на шляпе:
— Едем в церковь, дорогой мой, едем в церковь, скорее, скорее,
скорее. Я хочу молиться и рыдать, пока ещё не взошла заря.*

Церковь ночью заперта.

Любезный кавалер предлагает рыдать прямо на паперти, но она уже угасла [16, с. 135].

*Вернулся он только в половине шестого, чтобы сообщить мне,
что теперь он «должен шабашить», и ушёл [16, с. 120].*

Ирония, возникающая при повторении чьих-то слов, часто используется не только в литературных текстах, но и в повседневной речи. Она может выражаться в подражании кому-то, когда человек как бы играет роль своего собеседника, повторяя слова последнего или

рассуждая, как тот. Разумеется, для эффективного использования такого средства создания иронии необходимо, чтобы слушатель хорошо знал, кто именно цитируется. Это может быть достигнуто правильным интонационным оформлением. Однако цитата не является обязательным условием подобного подражания. Как уже упоминалось выше, соответствующий контекст может превратить едва ли не любое высказывание в иронию. Поэтому если слушателю знаком человек, идеи или поступки которого иронизируются говорящим, иронию можно выразить, не прибегая к цитированию.

Ещё одним способом создания иронии является парафраз — пересказ, изложение текста своими словами. При использовании парафраза говорящий пытается по-новому истолковать слова оппонента, выходя, таким образом, за допустимые рамки интерпретационной сферы чужого высказывания. Основное отличие в использовании парафраза и цитаты для создания иронии заключается именно в том, что цитата точно воспроизводит высказывание собеседника, но рассматривает его в новом контексте, изменяя его смысл. Парафраз же передаёт высказывание изменённым внешне, а не внутренне.

Разумеется, перечисленные в данной статье приёмы далеко не полностью описывают всё разнообразие способов и средств создания иронии. Однако, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что техника иронии постоянно усложнялась и изменялась со времени её появления в античности и продолжает развиваться на современном этапе. Сама же ирония постепенно превращается из риторического, а позже — стилистического приёма, в способ мировосприятия, мировоззрения и особым образом проявляет состояние души, заставляет не принимать на веру стереотипы общества, не относиться серьёзно к общепринятым ценностям и взглядам. Обилие лексических, семантических и синтаксических средств для создания иронии только подтверждает её значимость в литературе, речи и культуре общества, что, в свою очередь, делает необходимыми и особенно актуальными дальнейшие исследования в этой области.

Литература и примечания

1. Берковский Н. Я. Эволюция и формы раннего буржуазного реализма на Западе // Ранний буржуазный реализм / Н. Я. Берковский. — Л. : ГИХЛ, 1936. — С. 7—104. **2. Афанасьев Э. С.** Пьеса А. П. Чехова «Три сестры» : ироническая драма / Э. С. Афанасьев // Рус. словесность. — 2001. — № 6. — С. 6—11. **3. Мухина Ю. Н.** Ироническая маркированность каламбура в художественном дискурсе / Ю. Н. Мухина // Вестник Саратовского гос. технического ун-та. — 2006. — № 3. — С. 274—279. **4. Плясунова С. Ф.** Ирония в деривационном аспекте / С. Ф. Плясунова, Я. А. Михайлова // Вестник Пермского ун-та. — 2007. — № 2. — С. 143—149. **5. Marika Müller.** Die

Ironie : Kulturgeschichte und Textgestalt / Marika Müller. — Würzburg : Königshausen und Neumann, 1995. — 262 S. **6. Edgar Lapp.** Linguistik der Ironie / Edgar Lapp. — Tübingen : Narr, 1997. — 189 S. **7. Claire Colebrook.** Irony / Claire Colebrook. — London : Routledge, 2004. — 195 p. **8. Третьякова Е. Ю.** Ирония в структуре художественного текста // RELGA [Электронный ресурс] / Е. Ю. Третьякова. — № 19 [73]. — 15.10.2001. — Режим доступа к журн. : // <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=443&level1=main&level2=articles>. **9. Martin Hartung.** Ironie in der Alltagssprache: Eine Gesprächsanalytische Untersuchung / Martin Hartung. — Radolfzell : Verlag für Gesprächsforschung, 2002. — 198 S. **10. Пушкин А. С.** Сочинения : в 2 т. / А. С. Пушкин. — М. : Худ. лит., 1982. — Т. 1. — 1982. — 365 с. **11. М. Зоценко.** Ночное происшествие [Электронный ресурс] / М. Зоценко. — Режим доступа к библиографии : <http://www.ostrovok.de/old/classics/zoshchenko/story117.htm>. **12. Лец С.** Непричесанные мысли [Электронный ресурс] / С. Лец. — Режим доступа к библиографии : http://a-yu.narod.ru/arhiv/pages_fraz_ejiletc.HTM. **13. Кроткий Э.** Отрывки из ненаписанного [Электронный ресурс] / Э. Кроткий. — Режим доступа к библиографии : http://www.bookam.net/book/krotkii_yemil/otryvki_iz_nenapisannogo.html#. **14. Ильф И.** Двенадцать стульев / И. Ильф, Е. Петров. — М. : Высш. школа, 1982. — 303 с. **15. Некрасов Н.** Он у нас осьмое чудо... [Электронный ресурс] / Н. Некрасов. — Режим доступа к библиографии : <http://stroki.net/content/view/9060/58/>. **16. Антология** Сатиры и Юмора России XX века. Тэффи / Н. А. Тэффи. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. — 544 с.

¹ Корни ироничной манеры выражаться, насколько нам позволяют судить источники, лежат в европейской античности. Задолго до того, как нам встречается выражение иронии у Аристофана, ссылающегося на Сократа, мы замечаем в гомеровских текстах обороты, которые нельзя интерпретировать «дословно» (перевод с нем. наш. — А.Р.).

² Из-за сильного эмоционального воздействия иронии её рекомендуется использовать для завершающей части речи (*peroratio*), чтобы создать у слушателей непосредственно перед принятием решения за или против какой-либо идеи благоприятное настроение (*affectus*). Такая позиция основывается одновременно и на ещё одной отличительной черте иронии, ведь её структура позволяет оратору в обобщении своей точки зрения (*enumeratio*) ещё раз процитировать мнение оппонента и наглядно оценить его (*simulatio*). При этом цитату совершенно не нужно выделять, ведь после того, как вопрос был подробно рассмотрен обеими сторонами, слушателям ясно, чью точку зрения выражает данная цитата и чего хочет достичь ею оратор, невзирая на содержание аргументации, а принимая во внимание лишь исходную ситуацию (перевод с нем. наш. — А.Р.).

³ Как видно по названию журнала «Athenaeum», представители немецкого романтического движения возвеличивали античное прошлое, но, как и английских романтиков, их увлекали Шекспир, дух Средневековья, а также некоторые современники, такие как французский энциклопедист Дени Дидро (1713 — 84) и

немецкий проторомантик Й. В. Гёте (1749 — 1832). Их протест был большей частью направлен против разума и просветительских ограничений, рассматривающих разум как всеобъемлющую общечеловеческую модель. В то же время они осознавали парадоксальность критики разума. Для того, чтобы бросить разуму вызов или оспаривать его, нужно выразить свою мысль, но речь требует понимания, а следовательно полагается на нормы того самого разума, который она призвана ограничить. Единственным возможным выходом из этого затруднения могла быть ирония — речь, которая требовала восприятия и одновременно предупреждала или давала знать о своих границах и непонимании (перевод с англ. наш. — А. Р.).

⁴ Сразу же обращает на себя внимание, как сильно колеблется рамки иронически воспринимаемого материала: от отдельных слов и выражений до целых этапов в разговоре. Разнородными являются и формы выражения иронии, в частности иронически используются комментарии, цитаты, поведение аудитории, повторения и переформулировки, дополнения к высказанным идеям и выводы, а также выражение эмоций. Данное разнообразие, прежде всего, подтверждает неоднократно высказанное предположение о том, что практически каждое высказывание может быть использовано иронически в соответствующем контексте (перевод с нем. наш. — А. Р.).

Розсоха А. В. Іронія: історія вивчення та способи текстової реалізації.

У статті розглядається історія вивчення феномена іронії, дається огляд різних тлумачень даного поняття, а також аналізуються найбільш поширені засоби текстової реалізації іронії.

Ключові слова: іронія, антифразис, омонімія, порівняння, парафраз, іронічний контекст.

Rozsocha A. V. Irony: история изучения и способы текстовой реализации.

В статье рассматривается история изучения феномена иронии, а также наиболее распространённые способы текстовой реализации иронии.

Ключевые слова: ирония, текстовая реализация иронии, средства создания иронии.

Rozsokha A. V. Irony: History of study and ways of textual realization.

The article deals with the history of studying the phenomenon of irony, gives a review of different interpretations of the given term, and analyzes the most widespread ways of its textual realization.

Key words: irony, antiphrasis, homonymy, comparison, paraphrase, ironic context.